

Это был день рождения Инфанты. Ей исполнилось ровно двенадцать лет, и солнце ярко светило в дворцовых садах.

Хотя она была настоящая Принцесса, и притом наследная Принцесса Испанская, день рождения у нее был только один за весь год, как и у бедных детей, и потому, естественно, для всей страны было чрезвычайно важно, чтобы погода ради такого дня стояла хорошая. И погода действительно была очень хорошая.

Высокие полосатые тюльпаны стояли, вытянувшись на стеблях, как длинные шеренги солдат, говорили розам, вызываясь поглядывая на них через лужайку:

-- Смотрите, теперь мы такие же пышные, как и вы.

Алые бабочки с золотою пыльцою на крылышках навещали по очереди все цветы; маленькие ящерицы выползали из трещин стены и грелись, недвижимые, в ярком солнечном свете; гранаты лопались от зноя, обнажая свои красные, истекающие кровью сердца.

Даже бледно-желтые лимоны, которых столько свешивалось с полуразрушенных решеток и мрачных аркад, как будто сделались ярче от такого яркого солнца, а магнолии раскрыли свои шары своих больших цветов, наполняя воздух сладким и густым благоуханием.

Маленькая Принцесса прогуливалась по террасе со своими подругами, играла с ними в прятки вокруг каменных ваз и древних замшелых статуй. В обычные дни ей разрешалось играть только с детьми своего круга и звания, так что ей всегда приходилось играть одной; но день рождения был особенный день, и Король позволил Инфанте пригласить кого угодно из ее юных друзей и поиграть с ними.

Была какая-то величавая грация в этих тоненьких и хрупких испанских детях, когда они скользили неслышной поступью по дворцовому саду, мальчики в шляпах с огромными перьями и коротеньких развевающихся плащах, девочки в тяжелых парчовых платьях с длинными шлейфами, которые они придерживали рукой, заслоняясь от солнца большими веерами, черными с серебром.

Но всех грациознее была Инфанта и всех изящнее одета, хотя мода тогда была довольно стеснительной. Ее платье было из серого атласа, юбка и рукава-буфы богато расшиты серебром, а тугий корсаж -- мелким жемчугом. Когда она шла, из-под платья выглядывали крохотные туфельки с пышными розовыми бантами. Большой газовый веер Инфанты тоже был розовый с жемчугом, а в ее волосах, которые, как венчик из тусклого золота, обрамляли ее бледное личико, красовалась дивная белая роза.

Из окна во дворце за ними следил грустный, унылый Король.

У него за спиной стоял его ненавистный брат, Дон Педро Арагонский, а рядом с ним сидел его духовник, Великий Инквизитор Гренады. Король был даже грустнее обычного, потому что, глядя, как Инфанта с детской серьезностью отвечает на поклон придворных или же, прикрывшись веером, смеется над мрачной герцогиней Альбукеркской, своей неизменной спутницей, он думал о юной Королеве, ее матери, которая, как казалось ему, еще совсем недавно приехала из веселой французской земли и завяла среди мрачного великолепия испанского двора. Она умерла ровно полгода спустя после рождения Инфанты и не дождалась, чтоб еще раз зацвел в саду миндаль, и осенью этого года уже не срывала плодов со старого фигового дерева, стоявшего среди двора, ныне густо заросшего травой.

Так велика у Короля была любовь к ней, что он не позволил даже могиле скрыть возлюбленную от его взоров. Он велел набальзамировать ее мавританскому врачу, которого, как говорили, уже осудила на казнь святая инквизиция по обвинению в ереси и подозрению в магии и которому, в награду за эту услугу, была дарована жизнь. Тело ее и поныне лежало на устланном коврами ложе, в черной мраморной часовне дворца -- совсем такое же, каким внесли его сюда монахи в тот ветреный мартовский день, почти двенадцать лет тому назад. Каждый месяц Король, закутанный в черный плащ и с потайным фонарем в руке, входил в часовню, опускался на колени перед катафалком и звал: "Mi reina! Mi reina!" [Моя королева! Моя королева! - исп.] И порой, забыв об этикете, который в Испании управляет каждым шагом человека и ставит предел даже королевскому горю, он в безумной тоске хватал бледные руки, униженные дорогими перстнями, и пробовал разбудить страстными поцелуями холодное, раскрашенное лицо.

Сегодня ему кажется, что он снова увидел ее такой же, как тогда, в первый раз, в замке Фонтенебло. Ему было всего пятнадцать лет, а ей и того меньше. В тот же день они были в присутствии короля и всего двора официально обручены папским нунцием, и королевич вернулся в Эскуриал, унося с собой легкий завиток золотистых волос и память о прикосновении детских губок, прильнувших с поцелуем к его руке, когда он садился в карету.

Некоторое время спустя их наскоро повенчали в Бургосе, маленьком городке на границе Франции и Испании, и они торжественно въехали в Мадрид, где, по обычаю, отслужили торжественную мессу в церкви La Atocha и было устроено необычайно величественное аутодафе[*] для которого светским властям было передано на сожжение около трехсот еретиков, в том числе много англичан.

[*] - Инквизиционный костер для грешников.

Он безумно любил ее, любил, как думали многие, на погибель своей стране, воевавшей в то время с Англией за обладание империей Нового Света. Он ни на шаг не отходил от нее; ради нее он готов был, казалось, забыть самые важные государственные дела и, ослепленный страстью, не замечал, что его церемонная вежливость, которой он пытался угодить ей, только усиливала странную болезнь, подтачивавшую ее здоровье. Когда она умерла, он на какое-то время почти лишился рассудка. Он бы даже отрекся от трона и удалился бы в большой траппистский монастырь в Гренаде, почетным приором которого состоял с давних пор, если бы только не боялся оставить маленькую Инфанту на попечение своего брата, сумевшего даже в Испании прославиться своей жестокостью. Поговаривали, что это он был причиной смерти Королевы, преподнеся ей пару отравленных перчаток во время посещения королевской четой его дворца в Араге. Даже когда истек срок трехгодичного траура, объявленного королевским указом во всех владениях испанской короны, Король не позволял своим министрам даже и речь заводить о новом браке; а когда сам Император заслал к нему сватов, предлагая ему в жены свою племянницу, прелестную эрцгерцогиню Богемскую, он попросил их передать своему господину, что он уже обвенчан с Печалью и, хотя эта супруга бесплодна, он все же предпочитает ее Красоте. Ответ этот стоил испанской короне богатых Нидерландских провинций, которые вскоре, по наущению Императора, восстали против Испании под предводительством нескольких фанатиков-протестантов.

Вся его супружеская жизнь, с ее неистовыми пылками радостями, и страшная мука, которую он пережил, когда всему вдруг пришел конец, -- все это как будто вернулось к нему теперь, когда он в окно наблюдал за Инфантой, резвящейся на террасе. В ней была милая живость ее матери, та же своевольная манера вскидывать головку, тот же гордый изгиб прекрасного рта, та же дивная улыбка, -- ?rai sourire de France [настоящая французская улыбка - фр.], когда она порою взглядывала на окно или протягивала какому-нибудь статному испанцу свою крохотную ручку для поцелуя. Но громкий детский смех резал его ухо; безжалостно яркое солнце словно издевалось над его горем, а свежий утренний воздух был пропитан, казалось, тяжелым запахом снадобий, какие употребляют при бальзамировании. Король закрыл лицо руками, и, когда Инфанта снова подняла

глазки к окну, занавеси были уже спущены и Король исчез.

Инфанта сделала недовольную гримаску и пожала плечиками, -- уж мог бы он с ней побыть в день ее рождения. Кому они нужны эти глупые государственные дела! Или, может быть, он отправился в ту мрачную часовню, где всегда горят свечи и куда ей запрещают входить? Как это глупо с его стороны, когда солнце светит так ярко и всем так весело! И вот теперь он не увидит шуточного боя быков, на который уже сзывают трубы, не увидит марионеток и других удивительных забав. Ее дядя и Великий Инквизитор куда разумнее. Они пришли на террасу и были с ней так любезны.

Она тряхнула своей хорошенькой головкой и, взяв под руку Дона Педро, стала медленно спускаться по ступенькам к длинному, обтянутому алым шелком павильону, воздвигнутому в конце сада; остальные дети двинулись за ней следом один за другим, соответственно знатности рода. Те, у которых были самые длинные имена, шествовали впереди.

Навстречу Инфанте вышла процессия мальчиков из самых знатных семейств, одетых в фантастические костюмы тореадоров, и юный граф Тьерра-Нуэва, изумительно красивый мальчик лет четырнадцати, обнажив голову с грацией прирожденного гидальго и гранда испанского, торжественно подвел ее к возвышению над ареной, где стояло небольшое золоченое кресло, инкрустированное слоновой костью. Дети собрались вокруг нее, перешептываясь между собой и обмахиваясь большими веерами, а Дон Педро и Великий Инквизитор, смеясь, остались у входа. Даже герцогиня, -- главная камерера, как ее называли, -- тощая, суровая женщина, в желтых брыжах, не казалась такой сердитой, как обыкновенно, и что-то вроде холодной улыбки скользило по ее морщинистому лицу, кривя тонкие бескровные губы.

Это, бесспорно, был чудесный бой быков -- гораздо красивее, по мнению Инфанта, настоящего, на который ее возили в Севилью, когда у ее отца гостил герцог Пармский. Некоторые из мальчиков гарцевали на палочках, покрытых роскошными чепраками, и размахивали длинными пиками, с веселыми пучками ярких лент; другие прыгали перед быком, дразня его своими красными плащами и легко вскакивая на барьер, когда бык кидался на них; что касается самого быка, он был совсем как настоящий, хотя и сделан из ивовых прутьев, обтянутых кожей, и порой предпочитал бегать вдоль арены на задних ногах, что, конечно, никогда не взбрело бы в голову живому быку. Сражался он великолепно, и дети пришли в такое возбуждение, что вскакивали на скамейки, махали кружевными платочками и кричали: "Браво, горо! Браво, торо!" -- совсем как взрослые.

Наконец, после продолжительного боя, во время которого бык проколол своими рогами немало игрушечных лошадок и выбил из седла их наездников, юный граф Тьерра-Нуэва заставил быка стать на колени и, получив от Инфанта разрешение нанести ему *coup de grace*, с такою силой вонзил свою деревянную шпагу в шею животному, что голова отскочила, и все увидели смеющееся личико маленького мосье де Лоррэн, сына французского посланника в Мадриде.

Еще не смолкли громкие рукоплескания, а арена была уже очищена, и погибших лошадок торжественно уволокли со сцены два мавританских пажа в желтых с черным ливреях; и после краткой интермедии, во время которой француз-гимнаст плясал на туго натянутом канате, на сцене небольшого театра, нарочно для этого случая построенного, была представлена итальянскими куклами полуклассическая трагедия "Софонисба". Они играли так чудесно и жесты их были так естественны, что к концу спектакля глазки Инфанта затуманились от слез. Некоторые из детей плакали во весь голос, и приходилось утешать их сладостями. Даже сам Великий Инквизитор был так растроган, что не удержался и сказал Дону Педро, как ему больно видеть, что простые куклы на проволоках, из дерева и крашеного носка, могут быть так несчастны и переживать такие тяжкие бедствия.

Затем появился африканец-фокусник, который принес с собой большую плоскую корзину, покрытую красным сукном, поставил ее посередине арены, достал из своего тюрбана какую-то чудную дудку из тростника и начал на ней играть. Немного спустя сукно зашевелилось, и, когда звуки дудки стали резче и пронзительней, из-под него высоко подняли свои странные клинообразные головы две изумрудно-золотистых змеи и медленно стали раскачиваться под

музыку, словно растения в воде. Детей, однако, пугали их пятнистые клубочки и проворные острые жала, им гораздо больше понравилось, когда у них на глазах, по воле фокусника, выросло из песка крохотное апельсинное деревце, которое тут же покрылось хорошенькими белыми цветочками, а затем и настоящими плодами. Когда же фокусник взял у маленькой дочки маркизы де Лас-Торрес веер и превратил его в синюю птицу, которая стала с пением носиться по павильону, их изумление и восторг не знали границ.

Торжественный менюэт, исполненный маленькими танцовщиками из церкви Нуэстра Сеньора Дель Пилар, тоже понравился им. Инфанта никогда еще не видала этого удивительного обряда, совершаемого ежегодно в мае в честь пресвятой богородицы пред ее высоким престолом, потому что никто из членов испанского королевского дома ни разу не переступил порог большого сарагосского собора с тех пор, как сумасшедший священник, подкупленный, как подозревали, королевой Елизаветой Английской, пытался причастить там принца Астурийского отравленной облаткой. Инфанта только понаслышке знала о "танце Богородицы" и нашла, что он действительно очень красив. Мальчики-танцоры были в старинных придворных костюмах из белого бархата и диковинных треуголках, обшитых серебряным галуном и увенчанных большими страусовыми плюмажами. Их смуглые лица и длинные черные волосы еще больше оттеняли ослепительную белизну этих костюмов. Все были очарованы важностью и достоинством, с которыми они выполняли замысловатые фигуры танца, изысканной грацией их медлительных жестов и величавых поклонов, и в конце, когда они, сняв свои огромные, украшенные перьями шляпы, склонились перед Инфантой, она чрезвычайно любезно ответила на их поклон и мысленно дала себе обет поставить большую восковую свечу пред алтарем пресвятой девы Дель Пилар, в благодарность за доставленное удовольствие.

А потом на арене появилась группа красавцев египтян, как в те дни называли цыган; они уселись в кружок, поджав под себя ноги, и тихонько заиграли на цитрах, раскачиваясь в такт музыке и едва слышно напевая что-то мечтательное и тягучее. Когда они заметили Дона Педро, они нахмурились и на лицах некоторых из них изобразился ужас, ибо всего лишь за несколько недель перед тем Дон Педро велел повесить в Севилье на рыночной площади двух человек из их племени за колдовство, но хорошенькая Инфанта, которая слушала их, откинувшись на спинку кресла, и мечтательно глядела большими голубыми глазами поверх своего веера, совсем их пленила. Они почувствовали уверенность, что такое прелестное существо не способно на жестокость. И они продолжали играть тихо и нежно, едва касаясь струн длинными ногтями и кивая головами, словно в полудремоте. И вдруг с таким пронзительным криком, что все дети вздрогнули, а рука Дона Педро стиснула агатовую рукоять кинжала, египтяне вскочили на ноги и закружились как бешеные вокруг арены, ударяя в свои тамбурины и распевая какую-то дикую любовную песню на своем странном гортанном языке. Затем все разом кинулись на землю, и теперь только глухой звон цитр нарушал тишину. Повторив это несколько раз, они на миг исчезли и вывели на цепи косматого бурого медведя. На плечах у них сидело несколько крохотных барбарийских обезьянок. Медведь с необычайной серьезностью встал на голову, а обезьянки со сморщенными личиками стали проделывать всякие забавные штуки. Они фехтовались крохотными шпагами с двумя цыганятами, по-видимому их хозяевами, стреляли из ружей, а потом выстроились в ряд и начали делать солдатские артикулы -- совсем как на ученье королевской лейб-гвардии. Цыгане очень понравились детям.

Но самым забавным развлечением этого утра были, бесспорно, танцы маленького Карлика. Когда он ввалился на арену, ковыляя на кривых, коротеньких ножках и мотая огромной безобразной головой, дети подняли восторженный крик, и даже сама Инфанта так смеялась, что Камеристка вынуждена была напомнить ей, что хотя в Испании не раз видали королевских дочерей, плачущих перед равными, однако неслыханное дело, чтобы Принцесса королевской крови веселилась так в присутствии тех, кто ниже ее по рождению.

Однако Карлик был действительно неотразим, и даже при испанском дворе, известном своим пристрастием ко всему ужасному и безобразному, такого фантастического маленького чудовища

еще не видали. Да этот Карлик и не выступал прежде. Его нашли всего за день до того. Двое грандов, охотившихся в отдаленной части пробкового леса, окружавшего город, встретили его, когда он бежал опрометью через лес, и привезли с собою во дворец, чтоб устроить Инфанте сюрприз; отец его, бедный угольщик, был только рад избавиться от такого уродливого и бесполезного ребенка. Самое забавное в Карлике было, быть может, то, что сам он совершенно не сознавал, как он уродлив и смешон. Напротив, он казался счастливым и веселым необычайно. Когда дети смеялись, и он смеялся, так же непринужденно и радостно, и по окончании каждого танца отвешивал каждому из них в отдельности уморительнейшие поклоны, улыбаясь и кивая головою, словно сам он был такой же, как они, а не маленький уродец, которого природа однажды под веселую руку создала на потеху другим. Инфантою он был очарован безмерно, не мог от нее глаз оторвать и, казалось, плясал для нее одной. И когда, вспомнив, как на ее глазах знатные придворные дамы бросали букеты Каффарелли, знаменитому итальянскому дисканту, которого Папа прислал в Мадрид из собственной домово́й церкви, в надежде что сладкие звуки его голоса исцелят тоску Короля, она вынула из волос красивую белую розу и, шутки ради, а также для того, чтобы позлить Камеристку, с очаровательной улыбкой бросила эту розу через всю арену Карлику, тот принял это совсем всерьез, прижал цветок к губам, уродливым и толстым, приложил руку к сердцу и опустил перед Инфантой на одно колено, причем радостная улыбка растянула рот его до ушей, а маленькие светлые глазки заискрились от удовольствия.

После этого Инфанта положительно не в состоянии была оставаться серьезной и продолжала смеяться еще долго после того, как Карлик убежал с арены, и попросила дядю, чтобы танец немедленно был повторен. Камеристка, однако ж, сославшись на чрезмерную жару, заявила, что для ее высочества лучше будет немедленно вернуться во дворец, где для нее уже приготовлен роскошный пир и уже стоит на столе настоящий именинный пирог, с инициалами новорожденной из крашеного сахара и красивым серебряным флагом на верхушке. Инфанта с большим достоинством поднялась с места, приказала, чтоб маленький Карлик еще раз проплясал перед нею после съесты, и, поблагодарив юного графа Тьерра-Нуэва за чудесный прием, удалилась в свои апартаменты. За нею двинулись прочие дети, в том же порядке, как пришли.

Когда маленькому Карлику сказали, что он будет еще раз танцевать перед Инфантой по личному особому приказу, он так обрадовался, что убежал в сад, в нелепом восторге покрывая поцелуями белую розу и выражая свое счастье самыми дикими и неуклюжими жестами.

Цветы пришли в негодование от дерзкого вторжения уродца в их прекрасную обитель; когда же они увидали, как он скачет по дорожкам, смешно и неуклюже размахивая руками над головой, они уже не в состоянии были дольше сдерживаться.

-- Право же, он слишком безобразен, чтобы позволять ему играть в тех местах, где находимся мы! -- восклицали Тюльпаны.

-- Напоить бы его маковым цветом, чтоб он уснул на тысячу лет, -- говорили высокие огненно-красные Лилии и от гнева запылали еще ярче.

-- Ужас, прямо ужас, до чего он безобразен! -- взвизгнул Кактус. -- Он весь искривленный, приземистый, и голова у него несообразно велика по сравнению с ногами. При виде его у меня колючки встают дыбом, и, если он только подойдет ко мне, я его исколю своими шипами.

-- И у него в руках к тому же один из лучших моих цветков, -- воскликнул Куст Белых Роз. -- Я сам подарил его нынче утром Инфанте ко дню рождения, а он его украл у нее. -- И он закричал что было силы: -- Вор! Вор! Вор!

Даже красные Герани, которые вообще-то из спесивы, -- у них у самих куча бедных родственников, -- так и скручивались все от отвращения, и когда Фиалки скромно заметили, что хоть он и очень некрасив, но не по своей же вине, -- Герани не без основания возразили, что в том-то и беда, и что раз он неизлечим, нет оснований восхищаться им только за это. Да и некоторые из Фиалок сами чувствовали, что Карлик как будто даже кичится своим безобразием, выставляя его напоказ, и что он выказал бы гораздо больше вкуса, если б принял печальный или хотя бы задумчивый вид, вместо того чтоб прыгать и скакать по дорожкам, принимая такие причудливые и

нелепые позы.

Что касается старых Солнечных Часов -- особы выдающейся и некогда указывавшей время самому Императору Карлу V, -- то они до того были поражены видом маленького Карлика, что чуть не забыли отметить целых две минуты своим длинным теневым пальцем и не удержались, чтобы не сказать большому молочно-белому Павлину, гревшемуся на солнышке на балюстраде, что, мол, всем известно, что царские дети -- это царские дети, а дети угольщика -- это дети угольщика, и не к чему уверять, будто это не так, с чем Павлин всецело согласился и даже крикнул: "Несомненно! Несомненно!" -- таким пронзительным и резким голосом, что Золотые Рыбки, жившие в бассейне фонтана, от которого веяло прохладой, высунули головки из воды и спросили у огромных каменных Тритонов, в чем дело и что произошло.

А вот птицам Карлик почему-то понравился. Они и раньше часто видали в лесу, как он плясал, подобно эльфу, гоняясь за подхваченными ветром листьями, или же, свернувшись клубочком где-нибудь в дупле старого дуба, делил с белками собранные им орехи. И они ничуть не возмущались его безобразием. Ведь и соловей, который по вечерам пел в апельсиновых рощах так сладко, что даже Лупа иной раз склоняла свой лик, чтобы послушать его, был не великий красавец; к тому же мальчик был добр к ним, и в жестокую зимнюю стужу, когда на деревьях нет ягод и земля становится тверда, как железо, а волки подходят в поисках пищи к самым городским воротам, он никогда не забывал о них и всегда бросал им черные крошки от своего ломтя и делил с ними свой завтрак, как бы он ни был скуден.

И птицы порхали вокруг него, задевая крылышками его щеки, и щебетали меж собою, и маленький Карлик был так счастлив, что не мог удержаться, и похвастался перед ними пышною белою розой, сказав, что эту розу подарила ему сама Инфанта, потому что она любит его.

Птицы не поняли ни слова, но это не беда, потому что они с задумчивым видом склонили головки набок, а это все равно что понимать, да к тому же много легче.

Ящерицам он также очень понравился; и когда он устал бегать и прилег на траву отдохнуть, они подняли веселую возню вокруг него и на нем самом и всячески старались позабавить его.

-- Не всем же быть такими красивыми, как ящерицы, -- Этого нельзя и требовать, -- говорили они. -- И, хотя это Звучит нелепо, в сущности, он не так уж безобразен, если, конечно, закрыть глаза и не смотреть на него.

Ящерицы -- прирожденные философы, и они часами способны сидеть на одном месте и размышлять, когда им больше нечего делать или когда погода слишком дождливая.

Цветам, однако, очень не понравилось их поведение, равно как и поведение птиц.

-- Это только показывает, -- говорили они, -- какими вульгарными становятся те, кто все время летает и бегаёт. Хорошо воспитанные создания, вроде нас, всегда стоят на одном месте. Кто видел, чтобы мы металась взад и вперед по дорожкам или же скакали как безумные по траве в погоне за какою-нибудь стрекозой? Когда мы испытываем потребность в перемене воздуха, мы посылаем за садовником, и он пересаживает нас на другую клумбу. Это -- прилично, это вполне *comme il faut*, но ящерицы и птицы не ценят покоя, у птиц даже нет постоянного адреса. Они просто бродяги, вроде цыган, с ними и обращаться надо как с бродягами.

Цветы вздернули носики, приняли высокомерный вид и были очень довольны, когда немного погодя маленький Карлик встал с травы и заковылял к дворцовой террасе.

-- Право же, его следовало бы запереть до конца жизни, -- говорили они. -- Вы только посмотрите, какой у него горб на спине! А ноги какие кривые! -- И они захихикали.

А маленький Карлик и не подозревал об этом. Он страшно любил птиц и ящериц и находил, что цветы -- самое удивительное, что только есть на свете, конечно за исключением Инфанты; но ведь Инфанта дала ему дивную белую розу, и она любит его, а это другое дело! Как ему хотелось быть опять вместе с нею. Она посадила бы его по правую руку от себя и улыбалась бы ему, и он никогда больше не ушел бы от нее, а сделал бы ее своим товарищем и научил бы ее всяким восхитительным штучкам. Ибо, хотя он никогда раньше не бывал во дворце, он знал множество удивительных вещей. Он умел, например, делать из тростника крохотные клетки для кузнечиков, чтоб они сидели

и пели там, и превращать суставчатый длинный бамбук в такую свирель, которой заслушался бы сам Пан. Он умел подражать птичьим голосам и мог позвать скворца с верхушки дерева и цаплю с болота. Он знал, какое животное какие оставляет за собою следы, и умел выследить зайца по легким отпечаткам его лапок и кабана по растоптанным листьям. Ему были знакомы все пляски людей, живущих среди природы: и бешеный танец осени в одежде из багряницы, и легкая пляска в васильковых сандалиях среди спелых хлебов, и танец зимы с венками из сверкающего белого снега, и вешняя пляска в цветущих фруктовых садах.

Он знал, где вьют свои гнезда дикие голуби, и как-то раз, когда голубь с голубкой попались в силки птицелова, он сам воспитал покинутых птенцов и устроил для них маленькую голубятню в трещине расколотого вяза. Голуби выросли совсем ручные и каждое утро кормились из его рук. Они, наверное, понравились бы Инфанте, как и кролики, шнырявшие в высоких папоротниках, и сойки с твердыми перышками и черными клювами, и ежи, умеющие свертываться в колючие шарики, и большие умные черепахи, которые медленно ползают, трясая головами и грызя молодые листочки. Да, она обязательно должна прийти к нему в лес поиграть вместе с ним. Он уступит ей свою постельку, а сам будет сторожить за окном до рассвета, чтоб ее не обидели дикие зубры и не подкрались бы слишком близко к хижине отошавшие с голоду волки. А на рассвете он постучится в ставни и разбудит ее, и вместе они пойдут в лес и будут плясать целый день. В лесу, право же, совсем не скучно. Иной раз епископ проедет па своем белом муле, читая книжку с картинками. А то пройдут сокольничие в зеленых бархатных шапочках, в камзолах из дубленой оленьей кожи, и у каждого на руке по соколу, а голова у сокола покрыта клобучком. А в пору уборки винограда проходят виноградари, и руки и ноги у них красные от виноградного сока, а на головах венки из глянцевого плюща, и они несут мехи, из которых каплет молодое вино; а по вечерам вокруг больших костров усаживаются угольщики и смотрят, как медленно обугливаются в огне сухие поленья, и жарят в пепле каштаны, и разбойники выходят из своих пещер повеселиться вместе с ними.

Как-то он даже видел замечательную процессию, извивавшуюся, как змея, по длинной пыльной дороге, ведущей в Толедо. Впереди шли монахи, сладостно пели и несли яркие хоругви и золотые кресты, за ними в серебряных латах, с мушкетами и пиками шли солдаты, а посреди солдат -- трое босоногих людей с зажженными свечами в руках и в странной желтой одежде, сплошь разрисованной какими-то удивительными фигурами. Уж в лесу-то есть на что посмотреть; а когда она устанет, он отыщет для нее мягкое ложе из мха или же понесет ее на руках, потому что он ведь очень сильный, хоть и сам знает, что невысок ростом. Он сделает ей ожерелье из красных ягод брионии, которые так же красивы, как те белые ягоды, что нашиты У псе на платье; а если ей надоеет это ожерелье, она может его бросить, и он найдет ей другое. Оп будет приносить ей чашечки от желудей, и покрытые росой анемоны, и крохотных светлячков, которые будут искриться, как звезды, в бледном золоте ее волос.

Однако где же она? Он спросил об этом Белую Розу, но та не ответила. Весь дворец, казалось, спал и даже там, где ставни не были заперты, окна были завешены от яркого солнца тяжелыми занавесями. Карлик обошел кругом весь дворец, ища, как бы пробраться внутрь, и наконец заметил небольшую открытую дверь. Он проскользнул туда и очутился в роскошной зале -- увы! -- гораздо более пышной, чем лес: там всюду было столько позолоты, и даже пол выстлан большими цветными камнями, уложенными в какие-то геометрические фигуры. Но маленькой Инфанты там не было; были только странные белые статуи на пьедесталах из яшмы, смотревшие на него с какой-то странной улыбкой печальными пустыми глазами.

В конце залы висела богато расшитая занавесь из черного бархата, усеянная солнцами и звездами -- любимый узор короля, -- да и черный цвет был его самый любимый. Может быть, она спряталась за этой занавесью? Во всяком случае, надо взглянуть.

Он тихонько подкрался к портьеру и отдернул ее. Нет, за портьерой была только другая комната, и она показалась ему еще красивей той, откуда он только что вышел. Стены здесь были увешаны зелеными гобеленами со множеством фигур, изображавших охоту, -- произведение фламандских

художников, потративших больше семи лет на эту работу. Некогда это была комната Иоанна Безумного -- помешанного короля, который так страстно любил охоту, что в бреду нередко пытался вскочить на огромного вздыбившегося коня, вытканного па гобелене, стащить со стены оленя, на которого кидались большие собаки, затрубить в охотничий рог и заколоть ножом убегающую бледную лань. Ныне эта комната была превращена в залу совета, и на стоявшем посреди нее столе лежали красные портфели министров с тиснеными испанскими золотыми тюльпанами, а также гербами и эмблемами Габсбургов.

Маленький Карлик в изумлении озирался вокруг и даже немножко побаивался идти дальше. Странные, безмолвные всадники, скакавшие так быстро и бесшумно по длинным лесным дорогам, напоминали ему страшных призраков, -- о них он слышал от угольщиков, -- компрачикосов, которые охотятся только ночью, и если встретят человека, то превратят его в оленя и затравят насмерть. Но он вспомнил о маленькой Инфанте, и это придало ему мужества. Ему хотелось застать ее одну и сказать ей, что он ее тоже любит. Быть может, она в смежной комнате?

По мягким мавританским коврам он неслышно перебежал через комнату и распахнул дверь. Нет, и там ее не было. Комната была совершенно пуста.

То была тронная зала, служившая для приема иностранных послов, когда Король -- что в последнее время случалось не часто -- соглашался дать им личную аудиенцию; в этой самой зале много лет назад были приняты посланники из Англии, явившиеся сватать свою королеву, тогда одну из католических владык Европы, за старшего сына Императора. Стены здесь были обтянуты кордуанской золоченой кожей, а с черно-белого потолка свешивалась тяжелая люстра в триста восковых свечей. Под большим балдахином золотой парчи, на котором были вышиты мелким жемчугом кастильские львы и башни, стоял самый трон, с наброшенным на него роскошным покрывалом из черного бархата, затканного серебряными тюльпанами и украшенного пышной бахромой из серебра и жемчуга. На второй ступени трона стояла скамеечка с подушкой из серебряной парчи, на которой преклоняла колена Инфанта; а еще пониже и уже не под балдахином -- кресло для папского нунция -- единственного, кто имел право сидеть в присутствии Короля во время публичных церемоний, и кардинальская шапка его с плетеными алыми кистями лежала спереди на красном табурете. Против трона на стене висел портрет Карла V, изображенного во весь рост, в охотничьем костюме, с большой собакой; а всю середину другой стены занимал портрет Филиппа II, принимающего дары от Нидерландов. Между окон стоял шкафчик черного дерева с инкрустацией из слоновой кости и резьбой, воспроизводившей гольбейновскую Пляску Смерти, которая, говорили, была сделана рукой самого знаменитого мастера.

Но Карлика не слишком занимало все это великолепие. Он не отдал бы своей розы за все жемчуга балдахина, не отдал бы даже одного белого лепестка ее за самый трон. Ему нужно было совсем другое -- повидать Инфанту прежде, чем она снова сойдет в павильон, и попросить ее уйти вместе с ним, когда он кончит ганец. Здесь, во дворце, воздух тяжелый и спертый, а в лесу дует вольный ветер и солнечный свет играет на трепетных листьях, словно перебирая их золотыми руками. Там, в лесу, есть и цветы, -- быть может, не такие пышные, как в дворцовом саду, но зато аромат их нежнее: ранней весной -- гиацинты, что заливают багряной волной прохладные доли и холмы, поросшие травой; желтые первоцветы, что гнездятся целыми семьями среди узловатых корней старого дуба; светлый чистотел и голубая вероника, золотые и лиловые ирисы. А на орешнике распускаются серенькие сережки, и наперстянка никнет под тяжестью своих пестрых чашечек, облепленных пчелами. Копья каштанов покрыты белыми звездочками, и луны боярышника бледны и прекрасны. Да она обязательно уйдет с ним -- только бы ему найти ее. Она уйдет с ним в прекрасный лес, и он целыми днями будет плясать для ее удовольствия. При одной мысли об этом глаза его засветились улыбкой, и он перешел в соседнюю комнату.

Из всех комнат эта была самая светлая и самая красивая. Стены ее были обтянуты алой камчой, расшитой птицами и хорошенькими серебряными цветочками; мебель была вся из литого серебра, с фестонами из цветочных гирлянд и раскачивающимися купидонами. Две большие ширмы, на которых были вышиты павлины и попугаи, отгораживали огромные каминные, а пол, из оникса цвета

морской воды, казалось, уходил в бесконечность. И в этой комнате Карлик был не один. На другом конце залы, в дверях, стояла какая-то маленькая фигурка и наблюдала за ним. У него забилось сердце; крик радости сорвался с его уст, и он вышел на свет. Одновременно с ним вышла и фигурка, и теперь он ясно мог разглядеть ее.

Инфанта? Как бы не так! Это было чудовище, -- самое уморительное чудовище, когда-либо виденное им. Непропорционально сложенное, не так, как все прочие люди, с горбатой спиной, на кривых ногах, с огромной, мотающейся с боку на бок головой и спутанной гривой черных волос. Маленький Карлик нахмурился, и чудовище тоже нахмурилось. Он засмеялся, и оно засмеялось и уперлось руками в бока, копируя его жест. Он отвесил чудовищу насмешливый поклон, и оно ответило ему таким же низким поклоном. Он пошел к нему, и оно пошло ему навстречу, повторяя все его шаги и движения и останавливаясь, когда он останавливался. С криком изумления он устремился вперед, протянул руку, и рука чудовища, холодная как лед, коснулась его руки. Он испугался, отдернул руку, и чудовище поспешило сделать то же. Он начал было наступать на него, но что-то гладкое и твердое загородило ему дорогу. Лицо чудовища было теперь совсем близко от его лица, и в лице ртом он прочел ужас. Он отвел рукой волосы, падавшие ему на глаза. Чудовище сделало то же. Он ударил его, и оно отвечало ударом. Он начал его ругать -- оно строило ему какие-то гадкие гримасы. Он отшатнулся назад, и оно отшатнулось.

Что же это такое? Карлик задумался на минуту, оглядел комнату. Странно: каждый предмет здесь имеет как будто своего двойника за этой невидимой стеной светлой воды. Здесь картина -- и там картина; здесь канапе -- и там канапе. Здесь спящий Фавн лежит в алькове у дверей -- и там, за стеною, дремлет его двойник; и серебряная Венера, вся залитая солнцем, протягивает руки к другой Венере, такой яге прелестной, как она.

Что это?.. Эхо? Однажды в долине он крикнул, и эхо откликнулось, повторило за ним все слова. Может быть, эхо умеет передразнивать и зрение, как оно умеет передразнивать голос. Может быть, оно умеет создать другой мир, совсем как настоящий. Но могут ли тени предметов иметь такие же, как предметы, краски, и жизнь, и движение? Разве могут?..

Он вздрогнул и, взяв со своей груди прелестную белую розу, повернулся и поцеловал ее. У чудовища оказалась в руках такая же роза, точно такая же -- лепесток в лепесток. И оно точно так же целовало ее и прижимало к сердцу с безобразными жестами.

Когда истина вдруг открылась ему, он с диким воплем отчаяния кинулся, рыдая, на пол. Так это он сам -- такой урод, горбатый, смешной, отвратительный? Это чудовище -- он сам; это над ним так смеялись дети, и маленькая Принцесса тоже; он-то воображал, что она любит его, а она просто, как другие, потешалась над его безобразием, над его уродливым телом. Почему не оставили его в лесу, где нет зеркала, которое бы сказало ему, как он уродлив и гадок? Почему отец не убил его, вместо того чтобы продать его на позор? По щекам его струились горячие слезы. Он изорвал в клочки белый цветок; барахтавшееся на полу чудовище сделало то же и разбросало по воздуху лепестки. Оно пресмыкалось на земле, а когда он смотрел на него, оно тоже смотрело на него, и лицо его было искажено страданием. Он отполз подальше, чтоб не видеть его, и закрыл руками глаза. Как раненый зверек, он уполз в тень и лежал, тихо стелая.

В это время через дверь с террасы в комнату вошла Инфанта со своими гостями и увидела безобразного Карлика, который лежал на полу, колотя скрюченными пальцами; это было до того фантастически нелепо, что дети с веселым смехом обступили его -- посмотреть, что он такое делает.

-- Его пляски были забавны, -- сказала Инфанта, -- но представляет он еще забавнее. Почти так же хорошо, как марионетки, только, разумеется, не так естественно.

И она обмахивалась своим огромным веером и хлопала в ладоши.

Но маленький Карлик даже не взглянул на нее; его рыдания постепенно стихали. Вдруг он как-то странно подпрыгнул и схватился за бок. Потом упал и вытянулся без движения.

-- Это у тебя очень хорошо получилось, -- сказала Инфанта, подождав немного, -- но теперь ты должен потанцевать для меня.

-- Да, да, -- закричали все дети, -- теперь вставай и танцуй, потому что ты ничуть не хуже барбарийской обезьянки, даже забавнее.

Но маленький Карлик не откликнулся.

Инфанта топнула ножкой и кликнула дядю, который гулял с Камергером по террасе, читая депеши, только что полученные из Мексики, где недавно учреждена была святая инквизиция.

-- Мой смешной маленький Карлик капризничает и не хочет вставать. Поднимите его и велите ему танцевать для меня.

С улыбкой переглянувшись, они вошли в комнату, и Дон Педро нагнулся и потрепал Карлика по щеке своею вышитой перчаткой.

-- Изволь плясать, *petit monstre* [уродец - фр.], изволь плясать. Наследная принцесса Испании и обеих Индий желает, чтоб ее забавляли.

Но маленький Карлик не шевелился.

-- Его надо отстегать хорошенько, -- устало молвил Дон Педро и опять ушел на террасу.

Но Камергер с озабоченным видом опустился на колени перед маленьким Карликом и приложил руку к его груди.

А минуту спустя пожал плечами, поднялся и, низко поклонившись Инфанте, сказал:

-- *Mi bella Princesa*, ваш забавный маленький Карлик никогда больше не будет плясать. Как жаль! Он так безобразен, что, пожалуй, рассмешил бы даже Короля.

-- Но почему же он никогда больше не будет плясать? -- смеясь, спросила Инфанта.

-- Потому что у него разбилось сердце.

Инфанта нахмурилась, и ее прелестные розовые губки сложились в хорошенькую надменную гримаску.

-- На будущее время, пожалуйста, чтобы у тех, кто приходит со мною играть, не было сердца! -- крикнула она и убежала в сад.